

Патрушев Сергей

A detailed illustration of a man and a woman in a fantasy setting. The man, on the left, has light brown hair and is wearing a rich purple velvet suit with intricate gold embroidery on the lapels. He holds a glowing purple energy sphere in his right hand. The woman, on the right, has long, flowing red hair and is wearing a vibrant red, off-the-shoulder gown with gold detailing and a blue gemstone brooch. She has her hand on the man's chest. The background shows a blurred, grand interior with classical columns.

Печать молчания

Сергей Патрушев

Печать молчания

<https://litres.ru/74520678>

SelfPub; 2026

Аннотация

В столице, где магия — это власть, а интриги пахнут кровью, её называют «Метром». Лили не исцеляет. Она разрушает: вскрывает печати заговоров ломом энтропии и видит швы лжи на ткани реальности.

Когда короля травят ядом, а принца обвиняют в убийстве учителя, именно она становится последней преградой перед хаосом. Но цена этой силы — агония собственного тела и трещина в рассудке.

Чтобы спасти гниющую Империю от демонов, предателей и самой себя, ей придётся понять страшную истину: иногда, чтобы починить мир, его нужно сначала сломать до основания.

Содержание

Глава 1. Печать молчания	4
Глава 2. Принц в клетке	18
Глава 3. Пропавший караван	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Печать молчания

Глава 1. Печать молчания

Ночь над столицей выдалась тяжелой, душной. Воздух за окном казался густым, как остывший клейстер, он оседал на легких свинцовой пылью и не приносил облегчения. В такие часы даже камни древних мостовых источали накопленный за день жар, а река, обычно дарившая прохладу, пахла стоялой водой и гниющими водорослями. Лили сидела у рабочего стола при свете единственной оплывшей свечи, пытаясь свести дебет с кредитом по поставкам сушеных трав из северных провинций. Цифры плыли перед глазами, отказываясь складываться в ровные столбцы. Ее кропотливый труд прервал звук, который она ненавидела больше всего на свете — сухой, отрывистый треск разбиваемого о каменную мостовую стекла. За ним последовал глухой удар гонга со сторожевой башни Западных ворот. Один раз. Пауза. Второй раз. Третий. Четвертый. Удары сыпались один за другим, сливаясь в тревожную, нарастающую дробь. Четыре удара означали высшую степень угрозы. Вторжение? Пожар во дворце? Смерть монарха?

Лили не стала дожидаться пятого. Она знала протокол лучше многих гвардейцев. Свеча была погашена одним движением ладони, погрузив кабинет в абсолютный мрак, разре-

заемый лишь тусклым багровым светом углей в очаге. Женщина сорвала с крючка тяжелый шерстяной плащ, скрывающий простую форму королевского целителя, сунула ноги в мягкие сапоги и выскользнула за дверь еще до того, как шестой удар гонга успел разорвать вязкую тишину квартала.

Улицы были уже полны людей. Из окон вывешивались масляные фонари, бросая дрожащие желтые пятна на бледные лица зевак. Торговцы закрывали лавки тяжелыми дубовыми ставнями, но делали это медленно, словно надеясь, что тревога окажется ложной. Городская стража, обычно вальяжно прогуливающаяся парами, теперь бежала бегом, лязгая кольчугами и сбивая зазевавшихся прохожих щитами. Лили вклинилась в этот поток, используя свое право беспрепятственного прохода. Она шла против течения человеческого страха, чувствуя, как чужая паника липнет к коже. Чем ближе она подходила к Королевскому холму, тем плотнее смыкалась вокруг нее толпа любопытных и испуганных. На площади перед главными воротами их остановил стальной строй алебардистов. Черные плюмажи на шлемах трепетали от невидимого ветра.

— Пропуск! — рявкнул капитан, выставляя вперед древко оружия. Лили молча откинула капюшон, открывая лицо, которое знали все офицеры гарнизона, и протянула медный жетон на серебряной цепи. Знак личного лейб-медика Его Величества. Капитан мазнул взглядом по знаку, кивнул своим людям, и живой коридор разомкнулся.

Внутренний двор дворца встретил ее мертвой, неестественной тишиной. Здесь не было ни факелов, ни фонарей. Огромное пространство, вымощенное идеально подогнанными плитами белого мрамора, тонуло в густой тени. Даже фонтаны в центре двора были выключены, и их чаши зияли черными провалами. Тишина давила на барабанные перепонки сильнее, чем недавний набат. Лили пересекла двор быстрыми, почти бесшумными шагами. Мрамор был холодным даже сквозь толстую подошву сапог. У дверей малого тронного зала стояли двое из Тайной канцелярии — люди без лиц, закутанные в серые хламы так плотно, что невозможно было определить, где заканчивается ткань и начинается человек. Они расступились перед ней без единого слова.

Тронный зал дышал смертью. Сотни свечей в гигантской люстре под потолком горели ровно, не колеблясь, хотя двери были распахнуты настежь. Их свет был мертвенно-белым, хирургическим, лишенным всякого тепла. Он заливал золотом парчу обивки стен, но делал глубокие тени в углах похожими на свежую кровь. Запах здесь стоял тошнотворный. Это была не обычная смесь ладана, старого дерева и пыли. К нему примешивался резкий, химический аромат жженого миндаля, перебивающий сладковатый дух тлена.

Король Аларик сидел на ступенях подножия своего трона. Он не лежал, а именно сидел, неловко привалившись плечом к резному льву-подлокотнику. Его голова была безвольно склонена набок, подбородок упирался в ключицу. Глаза

монарха были открыты. Абсолютно, зеркально пусты. Они смотрели в пустоту прямо перед собой, отражая пламя свечей, но ничего не видя. Губы короля имели странный, землисто-лиловый оттенок, какого Лили никогда не видела у живых людей, а кожа приобрела восковой, пергаментный блеск. Казалось, если коснуться его щеки, палец оставит вмятину.

Рядом с ним, припав на одно колено, замер верховный инквизитор Малрик. Его суровое, иссеченное шрамами лицо сейчас напоминало гипсовую маску. Инквизитор держал руку короля, проверяя пульс, которого там давно не было. Когда Лили вошла, Малрик поднял на нее тяжелый взгляд. — Ты вовремя, — голос инквизитора прозвучал сухо, как шелест пергамента. — Не дыши глубоко. И не прикасайся к нему кожей.

Лили опустилась на колени с другой стороны тела, доставая из поясной сумки латунную лупу и стеклянную палочку. Она осторожно, едва касаясь кончиком палочки уголка рта короля, собрала пенистую слюну. Поднесла к глазам. Жидкость имела легкий изумрудный отлив, заметный только в ярком свете люстры. — Нейротоксин замедленного действия, — констатировала она тихо, чтобы слышал только Малрик. — Действует на синапсы, вызывая паралич дыхательного центра. Судя по цвету пены и отсутствию посмертных пятен... смерть наступила около трех часов назад. Яд ввели через пищу или вино. — Мы знаем, — отрезал Малрик. — Стража проверила последний ужин. Опробова-

ли остатки на собаке. Пес издох мгновенно, захлебнувшись точно такой же зеленой пеной. Еда чиста. Вино тоже. Значит, яд попал в организм раньше. Или... способ введения был иным.

Лили подняла глаза на шею короля. Расстегнутый ворот ночной сорочки открывал кадык и впадину между ключицами. Там, чуть ниже адамова яблока, темнела крошечная точка, похожая на след от укуса насекомого. Но насекомых в закрытом зале быть не могло. — Игла, — прошептала Лили. — Дистанционная стреляющая игла. Или шип. Очень тонкий. Прошла сквозь ткань незамеченной. Малрик молча кивнул, подтверждая ее догадку. Он знал толк в убийствах куда лучше любого лекаря.

Но дело было не только в короле. Взгляд Лили скользнул выше, к массивному дубовому столу, приставленному к трону. Поверхность столешницы всегда была девственно пуста — король презирал лишние бумаги. Сейчас же на ней стояла простая деревянная шкатулка. Небольшая, размером с два сложенных вместе кулака, сделанная из черного эбенового дерева без единой металлической детали. По периметру крышки шла тонкая бордовая линия сургуча. Императорская печать. Оттиск выглядел безупречно: расправивший крылья грифон, сжимающий в когтях державу. Идеальный круг, четкие линии. Любой придворный курьер отдал бы жизнь за сохранность такого оттиска.

Только вот сама крышка шкатулки была слегка переко-

шена. Угол сочленения дерева расходился на волос, создавая микроскопическую щель, которую обычный человек никогда бы не заметил. — Что внутри? — спросила Лили, не сводя глаз со шкатулки. — Никто не знает, — мрачно ответил Малрик. — Посланник из Эссарии прибыл час назад. Оставил это лично Его Величеству. Король принял его в малом кабинете, вышел оттуда с этой коробкой, приказал никого не пускать и заперся здесь для изучения документов перед сном. Утром главный камердинер нашел его в таком виде. Дверь была заперта изнутри на засов. Окна закрыты на стальные решетки и внутренние ставни. Гильдия убийц могла бы аплодировать стоя.

Лили встала и сделала шаг к столу. Воздух вокруг шкатулки казался плотнее. Он вибрировал на грани слышимости, издавая низкий, утробный гул, от которого ныли зубы. — Магия, — сказала Лили. — Сложная. Замыкающая. Тот, кто запечатывал коробку, вложил в сургуч часть своей воли. Это не просто защита от воров. Если попытаться вскрыть замок физически или взломать отпечаток обычными отмычками, содержимое превратится в пыль. Или взорвется. — Можешь снять? — спросил Малрик. В его голосе впервые проскользнуло напряжение. — Мне нужно знать, ради чего убили нашего государя. Мирный договор с Эссарией должен быть подписан через три дня. Если мы не узнаем условий... — Я могу, — оборвала его Лили. — Но вам придется отойти. Очень далеко. И пришлите сюда четверых самых крепких

гвардейцев. Пусть встанут вдоль стены и держат руки ладонями наружу. Мне понадобится много сырой силы.

Малрик смерил ее долгим, оценивающим взглядом, задержавшись на тонких пальцах женщины, которые никак не вязались с понятием «разрушение». Затем он коротко поклонился телу короля и быстрым шагом покинул зал. Через минуту внутрь вошли четверо латников в тяжелых полных доспехах. Они выстроились вдоль левой стены, напряженные, как натянутые струны.

Лили осталась одна посреди огромного пространства. Она сбросила плащ прямо на мраморный пол. Глубоко вдохнула, наполняя легкие отравленным воздухом, и позволила ему выйти обратно через диафрагму, заземляясь. Закрыв глаза, она потянулась внутренним зрением к четырем гвардейцам. Почувствовала их тепло, тяжесть стали, ритм четырех бьющихся сердец. Страх одного, азарт другого, тупую усталость остальных. Она мысленно открыла каналы на их предплечьях.

Это не было кражей жизни. Это был честный обмен. Лили использовала разрушительную магию, редчайший и опаснейший из пяти известных путей Искусства. В отличие от созидателей-целителей, она работала с энтропией, ускоряя хаос. Чтобы сломать чужой структурированный узор, ей требовалась колоссальная кинетическая энергия. Энергия живого движения. — Начинаяте, — приказала она, не открывая глаз.

Гвардейцы начали маршировать. Сначала медленно, затем быстрее. Шаг. Удар подкованного сапога о мрамор. Еще шаг. Звук становился ритмичным, тяжелым, заполняя собой весь зал. Бум. Бум. Бум. Каждый удар отдавался в костях Лили вибрацией. Она раскинула руки в стороны, позволяя этому первобытному гулу проходить сквозь нее. Ритм марша входил в ее уши, спускался по позвоночнику и собирался горячим комом внизу живота. Она начала раскачиваться в такт, превращая механическое движение солдат в чистую Силу.

Она направила этот концентрированный заряд на шкатулку. Не на саму крышку, а на ту самую микротрещину. «Сломайся», — велела она дереву на языке, не имеющем звуков. — «Разделись».

Сначала ничего не происходило. Бордовая линия сургуча продолжала поблескивать. Затем воздух над столом пошел маревом, как над раскаленным камнем. Раздался тихий, режущий слух хруст, похожий на ломающийся лед. Грифон на печати дернул крылом. Линия сургуча пошла паутиной трещин.

Лили увеличила подачу энергии, вытягивая ее теперь уже из сердцебиения солдат. Их шаги стали неровными, дыхание участилось. Один из них пошатнулся, схватившись за грудь, но соседи поддержали его под локти, не давая нарушить ритм. Лицо Лили покрыла испарина, волосы прилипли ко лбу. Костяшки пальцев побелели.

Крышка шкатулки с оглушительным треском лопнула пополам, не разлетевшись щепками, а именно развалившись на две идеальные половины, срез которых дымился.

Марш мгновенно прекратился. Гвардейцы рухнули на колени, тяжело дыша, хватая ртами воздух. Лили оперлась рукой о край стола, пережидая головокружение. Внутричерепное давление грозило проломить височные кости. Во рту стоял металлический привкус крови — от прокушенного языка.

Внутри шкатулки не оказалось ни золота, ни драгоценных камней. На бархатной подложке лежал единственный лист плотной рисовой бумаги, свернутый в трубку. И рядом с ним — маленькая агатовая печатка на кожаном шнурке. Та самая личная печать короля Аларика, которой он утверждал указы. Только оттиск на ней был смазан, словно ее вырвали из горячей восковой лужи слишком поспешно, содрав кожу с пальца владельца.

Лили осторожно, двумя пальцами взяла бумагу. Развернула. Это был не мирный договор. Текст, написанный каллиграфическим почерком секретаря эссарского посольства, гласил: *«Брат мой. Прости за прямоту, но время дипломатии вышло. Наш общий враг готовит удар. Я отправляю тебе копию их тайного соглашения с вождями Стети. Они ударят нам в спину через седмицу после подписания твоего мира с ними. Не верь своему Совету. Особенно Старому Лису. Он продал тебя за обещание стать регентом. Печать подлинная, но текст договора, который привезет твой ми-*

нистр Валериус, подделан. Проверь красные чернила. Твой верный брат, Архонт».

Лили перечитала письмо дважды. Кровь застучала в висках. Старый Лис. Герцог Валериус. Доверенное лицо короля, серый кардинал королевства, архитектор всех последних реформ. Человек, которому Аларик доверял свою жизнь чаще, чем личному телохранителю. Именно Валериус контролировал всю внешнюю политику. Именно он настаивал на скорейшем подписании договора с Эссарией, ссылаясь на экономическую выгоду.

Лили перевернула лист. Обратная сторона была чистой. Почти. Лишь в самом углу, там, где пальцы короля могли случайно задеть бумагу, удерживая ее, проступало едва заметное желтоватое пятно. Лили поднесла его к самому лицу, втягивая запах. Сладковато-пряный, с ноткой мускуса. Аромат дорогого масла для умащивания бороды. Единственным человеком при дворе, который пользовался таким парфюмом, заглушая естественный запах старости, был герцог Валериус.

Она посмотрела на разбитую шкатулку. Дерево эбенового цвета впитывало свет. Присмотревшись внимательнее к внутренней стороне расколотой крышки, Лили заметила то, что пропустила в спешке. Крошечную, почти невидимую ворсинку. Темно-синюю, с металлическим блеском. Такую используют лучшие портные для отделки парадных камзолов высших чинов Тайного совета.

Шум в дверях заставил ее обернуться. В зал вбежал сам герцог Валериус. Без свиты, растрепанный, в домашнем халате поверх ночной рубашки. Его морщинистое лицо выражало праведный гнев и скорбь. — Что здесь происходит?! — возопил он высоким, срывающимся голосом, театрально прижимая сухие ладони к груди. — Кто позволил инквизиции и городской ведьме хозяйничать в покоях усопшего?! Где стража?! Почему тело моего короля лежит на грязном полу?!

Он сделал несколько семенящих шагов к трону, картинно споткнувшись о складку ковра. Малрик преградил ему путь, положив руку на эфес меча. — Успокойтесь, ваша светлость, — ровно произнес инквизитор. — Вы прибыли быстро. Мы как раз пытались понять, кого известить первым. — Меня! — выплюнул Валериус. — Как первого советника! Я должен подготовить манифест о престолонаследии! Народ не должен узнать о слабости власти!

Его бегающие глазки метнулись от тела короля к столу. Увидев разбитую шкатулку и письмо в руках Лили, герцог на мгновение замер. Маска скорби дрогнула, обнажив истинное лицо — хищное, расчетливое, полное животного ужаса. Он понял, что его игра окончена. Каналы связи с Эссарией, поставки степных наемников, поддельные чернила — все рушилось в эту секунду.

Валериус резко выдохнул, меняя тактику. Он выпрямился, насколько позволяла сутулая спина, и указал скрючен-

ным пальцем на Лили. — Ведьма! — крик перешел в визг. — Это всё она! Пока мы ждали магистров Ордена, эта при- спешница тьмы осквернила прах монарха! Она применила запретную магию! Она уничтожила государственную грамоту! Хватайте её!

Стражники у дверей неуверенно переглянулись. Приказ герцога имел вес, но окровавленные, шатающиеся от истощения гвардейцы в центре зала служили живым доказательством того, что произошло нечто страшное.

Лили не двинулась с места. Она смотрела герцогу прямо в глаза, лишая его возможности спрятаться за привычной маской добродетельного старца. Она медленно, демонстративно разжала пальцы. Лист рисовой бумаги упал на мрамор, кру- жась в воздухе. Рядом с ним приземлилась агатовая печатка.

— Ваша светлость, — голос Лили звучал обманчиво мяг- ко, но каждое слово падало в тишину зала, как камень в глу- бокий колодец. — Вы забыли одну деталь. Король Аларик принимал посланника вчера вечером. А ваше любимое мас- ло для бороды имеет свойство оставлять следы на рисовой бумаге спустя двенадцать часов. Ровно столько прошло с мо- мента смерти.

Герцог открыл рот, чтобы снова завопить о клевете, но осекся. Его взгляд непроизвольно метнулся к его собствен- ным рукам. На большом пальце правой руки, там, где пола- галось быть массивному перстню-печатке канцлера, краснел свежий, воспаленный ожог. Кожа была сорвана.

Малрик улыбнулся. Это была жуткая, беззубая улыбка человека, который двадцать лет ждал этого мига. — Обыскать, — бросил он солдатам. — Живьем. Канцлер очень хочет рассказать нам всё на дыбе. До самого рассвета.

Двое гвардейцев шагнули к Валериусу. Старый советник попятился, поскользнулся на собственной развевающейся полы халата и нелепо взмахнул руками, пытаясь удержать равновесие. Он рухнул спиной прямо на ступени перед тронном, туда, где в той же позе вечного сна застыл его король. Упав, герцог задел плечо монарха. Голова Аларика с глухим стуком качнулась и запрокинулась окончательно, уставившись пустыми глазницами в расписной потолок.

Валериус затрясся всем телом. Это был конец не карьеры. Это был конец дыхания. Солдаты грубо вздернули его на ноги, выкручивая руки за спину. Сухие суставы хрустнули. Герцог взвыл, но тут же получил тяжелый удар латной перчаткой под ребра, выбивший из него весь воздух.

Лили отвернулась. Она подошла к разбитой шкатулке, подобрала половинки эбенового дерева и аккуратно сложила их вместе, словно пытаясь исцелить смертельную рану. Разрушающая магия забрала плату — левая рука онемела до самого плеча, пальцы перестали сгибаться. Завтра утром она не сможет держать даже ложку. Но сегодня ночью она спасла королевство от гражданской войны.

Малрик подошел и встал рядом, глядя на бессвязно лепечущего что-то о предательстве и интригах герцога, которого

волокли к выходу. — Ты сожжешь это письмо? — спросил инквизитор, кивнув на лист на полу. — Нет, — ответила Лили, не поворачивая головы. — Я сохраню оригинал. А копии завтра же должны лечь на столы командиров Северной армии и начальника Золотой гвардии. Старый Лис хотел убить короля, чтобы сорвать мир. Вместо этого он только что подписал приговор всей своей агентуре. Войне быть, Малрик. Но в этот раз мы будем готовы.

Инквизитор хмыкнул, поправляя рукав. — Надеюсь, твоя рука заживет к церемонии прощания. Нам понадобится много зелий для тех, кто решит оспорить завещание покойного.

Лили промолчала. Она смотрела на открытые глаза короля. Теперь они наконец-то казались не пустыми, а удивленными. Словно монарх только сейчас, из-за порога вечности, смог разглядеть истинное лицо своего самого преданного друга. Лили наклонилась и бережно опустила веки Аларика своими пальцами. Кожа уже начинала стремительно холодеть. Печать молчания, наложенная убийцей на уста государя, была наконец сорвана. Цена истины составила одну разбитую шкатулку, четыре поверженных гвардейца и сорванную кожу на руке старой змеи. Сделка была выгодной.

Глава 2. Принц в клетке

Рассвет над столицей не принес облегчения. Он лишь сменил цвет тревоги с багрового пламени факелов на мертвенно-серый пепел затянутого низкими тучами неба. Дождь, начавшийся под утро, смывал с брусчатки кровь заговорщиков, арестованных накануне, но не мог смыть липкий страх, сковавший двор.

Лили стояла у высокого окна своих покоев в Западном крыле, глядя на мокрые крыши казарм. Левая рука висела плетью. Пальцы, сведенные судорогой после вчерашнего выброса энтропии, напоминали иссохшие птичьи когти. ЦелиТЕЛЬСКИЙ покой был всего в двух коридорах отсюда, и там ей могли бы за час восстановить порванные связки и нервные узлы, снять отек и вернуть чувствительность. Но Лили не пошла туда. Боль была полезным якорем. Она напоминала о том, что мир состоит из хрупкой плоти, которую очень легко сломать одним точным словом или правильно подобранной дозой нейротоксина. К тому же, магистры Ордена сейчас наводнили дворец, словно саранча. Они жаждали изучить «ведьму», спасшую короля от забвения печати. Малрик приставил к ее двери двоих молчаливых стражников — якобы для охраны, но Лили знала: это почетный караул тюремщика.

Тишину разорвал резкий, требовательный звон храмово-

го колокола. Не набат смерти, как вчера, а частый, истеричный перезвон Судного часа. Так звонили только по одной причине: когда прерывалась священная линия крови.

Лили не стала ждать гонца. Она накинула поверх простого платья тяжелый дорожный плащ с глубоким капюшоном, полностью скрывающим лицо, и вышла в коридор. Стражники дернулись было преградить путь, но узнали шаркающую походку лейб-медика и опустили алебарды.

Она шла против течения. Мимо нее бежали слуги, бледные, с выпученными глазами; семенили советники в съехавших набок париках; тяжело топали латники Внутренней гвардии. Весь поток устремлялся к Северной башне — самому старому и мрачному строению комплекса, которое уже полвека служило исключительно тюрьмой для государственных преступников самого высокого ранга.

У подножия винтовой лестницы башни стоял сам верховный инквизитор Малрик. Его серый камзол был перепачкан чем-то темным и влажным. Лицо инквизитора осунулось, под глазами залегли черные тени. Рядом с ним, закутанный в черную мантию до самых глаз, возвышался Магистр Верховного Круга Элиан — сухопарый старик с лицом, похожим на печеное яблоко, чьи руки всегда были холодны как лед. Именно его ведомство отвечало за магическую безопасность короны.

— Ты опоздала, — вместо приветствия бросил Малрик, едва заведя капюшон Лили. В его голосе не было упре-

ка, только глухая, тяжелая усталость человека, чей рабочий день начался еще до полуночи и обещал закончиться на эшафоте. — На кого? — коротко спросила Лили, останавливаясь перед ними. Ее взгляд скользнул мимо них вверх, по узким зарешеченным окнам-бойницам. — Наставник принца. Мастер клинка Рован. И почти на самого наследника, — Малрик сплюнул на камни. — Поднимайся. Третий ярус. Только тихо. Верховный Магистр хочет услышать твою версию до того, как мы спустим парня в пыточную.

Они начали подъем. Каменные ступени, отполированные тысячами ног, были скользкими от сырости. Чем выше они поднимались, тем сильнее становился запах озона, жженой шерсти и дешевого свечного сала. На площадке третьего яруса их встретила четверка боевых магов из личной гвардии Короны. Их ладони светились ровным синим огнем — сдерживающим контуром.

Дверь камеры была приоткрыта. Изнутри неслись звуки, которые невозможно спутать ни с чем другим: тяжелые, хриплые рыдания мужчины, перемежающиеся звуками рвоты.

Лили вошла первой, откинув капюшон.

Камера представляла собой круглый мешок диаметром в пять шагов. Гладкие стены без окон, поглощающие любой звук. В центре, прямо на каменном полу, скорчился человек. Это был принц Кайлен. Мальчику было шестнадцать. Еще вчера он считался самым красивым юношей двора, гор-

достью фехтовальных залов и любимцем простолюдинов за свой открытый нрав. Сейчас же он сидел на грязных плитах, обхватив колени руками, и раскачивался взад-вперед. Его богатая одежда — шелковая рубашка и бархатный дублет — превратилась в лохмотья, пропитанные кровью, которая была определенно не его собственной. Волосы слиплись от пота, а глаза, обычно яркие и живые, потускнели, превратившись в два мутных колодца абсолютного безумия.

В углу, прикованный ржавыми цепями к кольцу в стене, висело тело. Точнее, то, что от него осталось. Мастер Рован. Человек, учивший будущего короля держать меч с трех лет. Его доспехи были разорваны так, словно по ним ударили гигантской мясорубкой. Грудная клетка вскрыта, ребра торчали наружу белыми обломками, но крови вокруг тела почти не было. Вся она впиталась в одежду наставника и штаны принца, сидящего рядом. В руке мертвеца все еще была зажата рукоять тренировочного деревянного меча, расколото-го вдоль.

Элиан шагнул вперед, стуча посохом. Посох Верховного Мага венчал тускло пульсирующий сапфир. — Смотри на него, ведьма, — проскрипел магистр. — Смотри внимательно. Я потратил три часа своей жизни, чтобы удержать этот узел. Парень защищается. Даже сейчас.

Лили подошла ближе, игнорируя зловоние экскрементов и блевотины. Она присела на корточки перед принцем, стараясь быть ниже его уровня, чтобы не нависать угрозой. —

Ваше Высочество, — позвала она мягко. — Вы меня слышите? Кайлен не отреагировал. Он продолжал бормотать себе под нос одну и ту же фразу, монотонно, как молитву сумасшедшего: — Деревяшка... она должна была выдержать... деревяшка...

Лили перевела взгляд на разбитый деревянный клинок в руке трупа. Затем осмотрела пальцы принца. Костяшки левой руки были стесаны в кровь, содраны до мяса. Правая рука, которой он должен был владеть как основной, выглядела целой. — Где ваш кинжал, Кайлен? — спросила Лили. — Тот, что подарил вам отец на десятилетие. С гравировкой рода. Принц резко поднял голову. Взгляд на секунду сфокусировался на лице женщины. — У горла... — прошептал он. — Оно держало его у моего горла. А потом... оно стало мной. Сказало убить. Сказало, что если я не убью Старика, оно перережет мне глотку моим же ножом. Я пытался... я бил деревяшкой... но оно смеялось...

Малрик, стоявший в дверях, громко выругался. — Класика, — процедил инквизитор. — Защита безумием. Старый трюк убийц. «Бес вселился». Думает, магистраты пожалеют сопляка из-за возраста. — Это не симуляция, верховный, — ровно ответила Лили, не сводя глаз с принца. — Посмотрите на его ауру. Она выгорела изнутри. Полное истощение резервов. Такое бывает, когда организм сжигает саму жизненную силу, пытаясь справиться с чужеродным вторжением. Или когда ты собственными руками выдавливаешь глаза

человеку, которого считал отцом.

Лили протянула руку. Ей нужно было коснуться плеча Кайлена, чтобы запустить базовую диагностику, проверить ритм сердца и температуру мозга. — Не трогай! — рявкнул Элиан, выставляя вперед посох. Сапфир вспыхнул слепящим светом. — Он заблокирован моей печатью. Любое внешнее вмешательство расценивается как пособничество побегу. Если иллюзия внутри его головы схлопнется неправильно, парень просто лопнет. Кровеносные сосуды не выдержат обратного давления.

Лили медленно убрала руку. Она посмотрела на Верховного Мага. — Иллюзия наложена снаружи, магистр. Она не в его голове. Она осталась на стенах. Вы заперли следствие, но пропустили причину. Позвольте мне разрушить остаточный фон.

Элиан нахмурился, переводя взгляд со сторбленного принца на спокойное лицо Лили. Инквизиция хотела признания вины для быстрой казни и спасения репутации короны — нельзя допустить слухов, что престолонаследник обезумел или стал братоубийцей. Магистрат хотел сохранить тайну магии. Но оба понимали: если Лили права, настоящий убийца все еще во дворце. — Две минуты, — наконец кивнул Элиан. — Потом я запечатаваю камеру навсегда вместе с мальчишкой. Мне плевать, кто он — принц или чудовище. Угроза должна быть устранена.

Магистр отступил к двери, увлекая за собой Малрика. Бо-

евые маги напряглись, готовые залить комнату плазмой.

Лили глубоко вздохнула. Вторая разрушающая магия за двое суток. Если первая стоила ей подвижности пальцев, эта могла стоить рассудка. Она закрыла глаза, отсекая вид страдающего мальчика и растерзанного учителя. Она сосредоточилась на пространстве.

Любое убийство оставляет шрам на реальности. Эмоциональный всплеск, агония, концентрация воли — всё это выжигает след в эфирном плане. Обычно эти следы рассеиваются за часы. Но здесь, в замкнутом пространстве каменного мешка, где стены сами по себе гасят магию, фон должен был стоять плотной стеной.

Лили начала дышать в ритме рушащейся кладки. Вдох — сбор напряжения. Выдох — сброс контроля. Она представила свои руки не ладонями, а двумя острыми скребками. Одним движением она провела ими сверху вниз по воздуху перед собой.

Мир моргнул.

Запах дерьма и крови исчез. Вместо него пахло свежим сеном, разогретой кожей седел и железом — запахом оружейной. Грязные плиты пола превратились в наборный паркет учебной залы. Сводчатый потолок камеры раздвинулся ввысь, открывая высокие стрельчатые окна, через которые лился золотистый предвечерний свет. Ржавые цепи растворились в воздухе. А в углу, возле стойки с учебными клинками, стоял живой Мастер Рован.

Он улыбался. Той самой отеческой, чуть снисходительной улыбкой, которую знали все пажи королевства. На нем не было доспехов, только простая холщовая рубаша. В руках он держал два деревянных меча. Один он протягивал принцу. — Ну же, мой мальчик, — произнес призраком мягким, полным жизни голосом. — Покажи старику, чему тебя научили северяне. Не жалею отца. Бей.

Иллюзия была безупречной. Идеальной копией прошлого. Лили видела такие лишь однажды — в архивах Ордена, в делах высшей категории секретности. Такую вязь может сплести только тот, кто видел эту сцену своими глазами. Кто знает каждую царапину на паркете этой залы.

Но Лили искала не красоту. Она искала изъян. Разрушительная магия работает с несоответствиями. Там, где реальность насильно натянута на чужой каркас, ткань бытия всегда дает слабину.

Она сделала шаг внутрь иллюзии. Для всех остальных — она просто шагнула в пустой угол камеры. Для себя — она вошла в воспоминание. Принц-Кайлен в иллюзии стоял напротив учителя. Его деревянная палка взлетела в идеальном блоке. — Быстрее! — подбодрил Рован. Принц атаковал. Его выпад был стремительным, чистым. Деревяшка со свистом разрезала воздух.

Лили смотрела не на людей. Она смотрела на отражение в начищенных пряжках ремня Мастера. В отражении принц наносил удар справа налево, классический диагональный ро-

счерк. Но само дерево в руках настоящего, висящего на цепях Кайлена (которого Лили чувствовала спиной) двигалось иначе. По-другому вес. Другая инерция.

Лили перевела взгляд на стену залы. Там висел старый гобелен с изображением охоты на кабана. Охотник на ткани заносил копье. В момент, когда иллюзорный принц нанес свой решающий удар, фигура охотника на гобелене дернулась. Копье в его руках изменило угол наклона на долю градуса.

Иллюзия дала сбой. Она была слишком статичной. Настоящее убийство произошло быстрее, хаотичнее, кровавее. Создатель фантома попытался скрыть бойню, заменив её благородным поединком, но забыл переписать законы физики этого места.

Лили ударила. На этот раз разрушение не требовало марша гвардейцев. Достаточно было точечного импульса энтропии. Она вложила всю свою боль, весь тремор парализованной руки в один невидимый толчок.

Пространство зала издало звук рвущегося шелка. Золотистый свет померк, став тошнотворно-зеленым. Деревянный меч в руках призрачного принца пошел трещинами. Лицо Мастера Рована поплыло восковыми подтеками, обнажая под человеческой личиной нечто иное. Кожа на скулах треснула, выворачиваясь наружу острыми хитиновыми пластинами. Человеческие глаза вытянулись, превращаясь в фасеточные линзы насекомого. Рот распахнулся слишком широ-

ко, обнажая три ряда тонких, как иглы, зубов.

Иллюзорный принц тоже изменился. Его черты смазались, плечи неестественно расширились, суставы рук вывернулись назад. Фигура стремительно теряла гуманоидные пропорции, оседая на пол бесформенной грудой полупрозрачной слизи, внутри которой судорожно сокращались мышцы.

Настоящая камера вернулась мгновенно, оглушив Лили вонюю и мраком. Но теперь посреди комнаты лежало доказательство.

Слизь быстро испарялась, таяла, уходя сквозь камни, но в центре лужи остался предмет. Небольшой кожаный мешочек, перетянутый шнурком. Лили, преодолевая слабость, шагнула вперед и подняла его кончиками пальцев целой руки. Внутри перекатывалось что-то твердое. Она развязала горловину.

На ладони лежал человеческий зуб. Резец. Совершенно здоровый, белый, покрытый едва заметной рунической вязью. Руна «Облик».

Лили сжала кулак. — Перевертыш, — сказала она в пустоту. — Высшего порядка. Амулет трансформации сделан из собственного зуба. Такие делают шаманы Восточных Топей. Чтобы принять облик жертвы, им нужна частица плоти. Кровь недостаточно сильна. Им нужен корень. Зуб подходит идеально.

Она обернулась. Элиан и Малрик стояли неподвижно,

словно громом пораженные. Иллюзия такого класса находилась за пределами понимания придворных чародеев. — Он пришел за принцем, — продолжила Лили, чувствуя, как начинает кружиться голова от отката. — Но план сорвался. Возможно, принц успел закрыть дверь, или перевертыш замешкался. Учитель вошел не вовремя. Монстр принял личину Кайлена, чтобы спровоцировать самооборону или заставить мальчика нанести первый удар. Когда Рован погиб, твари нужно было уходить. Но прежде чем сбросить личину, она скопировала состояние сумасшествия. Всю боль, весь ужас и вину умирающего наставника, который смотрел в «глаза» своего ученика, она впечатала в разум настоящего принца. Мальчик пережил смерть друга дважды. Сначала ментально, а затем увидев настоящее тело.

Лили пошатнулась. Ноги перестали держать. Она оперлась здоровой рукой о стену. Камень был ледяным. — Запирайте Северную башню, — прохрипела она, обращаясь к Малрику. — Перекройте порталы. Обыщите кухни. Перевертыши любят тепло и сырое мясо. Эта тварь все еще здесь, она сожрала половину королевской псарни, чтобы накопить массу для смены облика. И ищите пропавшего поваренка или младшего конюха. Без амулета-зуба она застряла в последнем принятом виде.

Малрик посмотрел на слизь, затем на Лили, чье лицо приобрело оттенок мела, и впервые за долгие годы службы отдал честь женщине-простолюдинке, прижав кулак к сердцу.

— Слышали?! — рявкнул инквизитор на боевиков. — Живо по постам! Башню на карантин! Ведьма, тебе помочь идти? — Нет, — отрезала Лили. — Приведите сюда медблок. Сюда и к покоям принца. Ему нужны сонные капли, теплые компрессы и тишина. И скажите страже у дверей, что если хоть одна живая душа, кроме меня и вас, переступит порог этих комнат до захода солнца, я лично обеспечу им встречу с теми богами, которым поклоняется перевертыш.

Ее оставили в покоях принца спустя час. Солнечный свет так и не пробился сквозь облака, в комнате царил полумрак, разгоняемый лишь огнем в очаге. Кайлен спал. После введения макового отвара и успокаивающих настоек Лили, его тело наконец расслабилось. Черты лица разгладились, исчез жуткий оскал мышечного спазма. Теперь он снова выглядел обычным уставшим подростком.

Лили сидела в кресле у изголовья кровати. Действие обезболивающих трав, которые она приняла сама, заканчивалось. Левую руку начало выкручивать острой, стреляющей болью от локтя до ногтей. Каждый удар сердца отдавался в плече тупым молотом.

Дверь открылась без скрифа. Вошел король.

Фенрир Второй выглядел старше своих сорока пяти лет. Последние тридцать часов состарили его на десятилетие. Пурпурная мантия казалась тяжелой броней, пригибающей его к земле. Но спина монарха оставалась прямой. Он подо-

шел к кровати сына и долго смотрел на его лицо.

— Герцог Валериус признался во всем, — сказал король, не поворачивая головы. Голос звучал глухо, надтреснуто. — Советник-предатель уже кормит червей в общей могиле. Мы скормили его свиньям на фермах нижнего города, чтобы даже памяти не осталось. Спасибо тебе за договор, Лили. Благодаря ему моя страна не захлебнется в крови гражданской войны. — Ваша жизнь дороже клочка бумаги, государь, — ответила Лили. Горло пересохло. — Договор можно переписать. — Жизнь можно забрать только один раз, — король наконец отвернулся от сына и посмотрел на женщину в кресле. Его взгляд упал на ее левую руку, безвольно лежащую на подлокотнике. Пальцы приобрели синюшный оттенок. — Ты опять отказалась от помощи лекарей Ордена. — Их методы шумные, — слабо усмехнулась Лили. — Заклинания света заставляют вибрировать кости черепа. Невыносимо.

Король прошел к очагу, взял кочергу и поворошил угли. — Верховный Магистр Элиан доложил о перевертыше. Сказал, что такой уровень мимикрии доступен лишь старейшинам их родов. Что существо пришло не просто убить. Оно пришло заменить. — Да, — кивнула Лили. — Судя по качеству работы, заказчиком выступал не герцог. Слишком тонко. Валериус предпочитал яд и нож в спину. Здесь же... долгосрочная инвестиция. Перевертыш должен был занять место Кайлена. Вероятно, сразу после подписания мира со Степью. Представьте, государь: идеальный правитель, послуш-

ный воле регента или внешнего врага, ведущий ослабленную страну напрямик в рабство. — И никто бы не заметил подмены? — король крутанул кочергу в руках, металл жалобно скрипнул. — Никто, кроме тех, кто видит суть вещей, — Лили прикрыла глаза. — Собак. Животные чувствуют изменение запаха желез. И тех, кто лечит раны. Я бы заметила разницу в структуре кожи при первом же осмотре. Поэтому я больше не войду в тронный зал без вооруженной охраны.

Король отбросил кочергу. Она лязгнула о камень. Фенрир медленно опустился на одно колено прямо на пушистый ковер перед креслом Лили. От неожиданности женщина открыла глаза. Монарх никогда не склонял колени. Ни перед патриархом, ни перед послами. — Ты вытащила мою страну из бездны предательства, — тихо произнес король. — Ты нашла яд, пока остальные искали убийцу. Ты спасла моего единственного сына сегодня, когда мои лучшие маги готовы были отдать его палачу ради протокола. — Я просто делала свою работу, государь. Сохранять жизнь. — Этого недостаточно, — король пристально смотрел ей в глаза. — Моя благодарность имеет вес. Проси чего хочешь. Земли? Титул? Место в совете? Золото, которое твои внуки не смогут потратить?

Лили молчала. Боль в руке становилась невыносимой, сознание начало поплывать, окрашивая края зрения красным. Но она собрала остатки воли. — Прошу две вещи, государь. Первая: приказ Верховному Кругу передать мне полный до-

ступ к конфискованным библиотекам еретиков Северного хребта. Меня интересуют труды по метаморфизму и пограничным состояниям сознания. — Это опасные знания, Лили. Элиан будет против. — Пусть попробует возразить отцу спасенного наследника, — губы Лили дрогнули в сухой усмешке. — Вторая просьба касается принца. — Он вне опасности. Физически. — Он уничтожен, государь. То, что спит там, — Лили кивнула на кровать, — это сосуд с треснувшим дном. Он убил своего отца в своем собственном сознании. Иллюзия была настолько реальной, что его мозг записал моторную память убийства. Он будет видеть это каждый раз, закрывая глаза. Если оставить его в столице, среди шепота придворных и взглядов стражи, он либо сойдет с ума окончательно, либо закончит дело настоящим ножом. Ему нужен чистый лист. Отправьте его в Белые Ключи. В монастырь Святого Веремия. Там служат старые братья-воины, а не книжные черви. Никакой политики, никакой магии, только физический труд, дисциплина и целебные воды. Оставьте его там на год. Пусть заново учится ходить, дышать и смотреть людям в лицо.

Король долго молчал. Смотрел на спящего сына, затем на серое, изможденное лицо женщины, которая второй день подряд вытаскивала его семью из могилы ценой собственного здоровья. — Будет сделано, — наконец кивнул Фенрир. — Корабль уйдет с утренним отливом. Я дам мальчику новое имя. Пусть побудет простым послушником. — И последнее,

— добавила Лили, борясь с желанием провалиться в благословенное забытие. — Найдите того, кто привез перевертыша. Амулет из зуба означает, что тварь готовили персонально под Кайлена. Значит, во дворце есть канал связи с Топями. Ищите среди торговцев редкостями и зрителей зверинцев.

Король поднялся. Его движения вновь стали движениями правителя — плавными, экономными, полными скрытой силы. — Отдыхай, — приказал он. — С завтрашнего дня ты назначаешься Главным Королевским Метром. Тайным советником по вопросам внутренней безопасности. Твой кабинет будет в правом крыле, рядом с моими. Жалование втрое против нынешнего. И найми себе нормального телохранителя. Эти инквизиторские громилы действуют мне на нервы.

Когда шаги короля стихли в коридоре, Лили позволила векам закрыться. Она медленно, миллиметр за миллиметром, попыталась пошевелить пальцами левой руки. Сустав отозвался вспышкой белого огня. Женщина выдохнула сквозь зубы.

Она выполнила свою работу. Наследник престола спасен физически, хотя его душу еще предстоит собирать по кусочкам годами. Предатели казнены. Внешняя угроза локализована.

За дверью, в смежной гостиной, дежурили люди Малрика. В коридоре мерно вышагивали гвардейцы. Дворец засыпал тревожным сном победителя.

Лили знала, что настоящая битва только начинается. Король получил отсрочку, но печать молчания снята. Те, кто стоит за нападениями — настоящие кукловоды, отправившие перевертыша из непроходимых болот за тысячи лиг, — не остановятся. Они потеряли пешку в лице герцога и ценный инструмент в лице хамелеона. Теперь они начнут играть открытыми фигурами.

Сквозь пелену боли Лили почувствовала странное, холодное спокойствие. Офисный работник умер в ней окончательно в тот момент, когда она согласилась стать палачом иллюзий. Теперь на троне сидел король, которому она была обязана своим положением, а рядом, в соседней комнате, находился юноша, чья психика держалась на честном слове и паре капель макового сиропа.

Лили достала из поясной сумки флакон с густой темно-зеленой жидкостью. Горькая настойка корня мандрагоры. Обезболивающее, туманящее разум, но возвращающее контроль над мышцами. Она зубами вырвала пробку — левая рука отказывалась слушаться — и сделала долгий глоток.

Горечь обожгла пищевод. Мир качнулся, потерял четкость, но костенеющие пальцы внезапно обрели чувствительность. Лили сжала их в кулак. Было больно, но она чувствовала.

Она встала, опираясь на подлокотник кресла, и подошла к окну. Дождь усилился, барабания по стеклу похоронный марш. Где-то там, в темноте мокрых улиц, прятался враг,

способный менять лица.

Лили прижалась горячим лбом к холодному стеклу. — Спрятаться негде, — прошептала она дождю. — Добро пожаловать домой, господин Главный Метр.

Глава 3. Пропавший караван

Дождь, начавшийся в день спасения принца, не прекращался четвертые сутки. Он превратил улицы столицы в мутные реки, смыл остатки праздничных гирлянд, вывешенных по случаю коронации юного регента — семилетнего племянника короля, пока сам Фенрир Второй отходил от яда в загородном имении, и пропитал сыростью каменные стены даже самых богатых особняков.

Лили стояла у окна своего нового кабинета в правом крыле дворца. Титул Главного Метра оказался тяжелой ношей. Вместо тишины лабораторий она получила ворох доносов, прошений о помиловании для заговорщиков-родственников казненного Валериуса и бесконечные споры с Верховным Магистром Элианом, который считал ее разрушительную магию ересью, подлежащей немедленному уничтожению вместе с носителем. Боль в левой руке стала привычным фоном, как тиканье часов. Нервные окончания медленно прорастали сквозь рубцовую ткань, принося с собой фантомные боли и судороги.

Именно поэтому, когда на столе перед ней лег конверт из плотной воощеной бумаги без гербовой печати, Лили почувствовала почти физическое облегчение. Это было частное дело. Работа руками, а не языком.

Внутри лежал один лист и тяжелый кожаный мешочек.

Развязав его, Лили высыпала на ладонь пять золотых империалов чеканки Восточного банка. Хорошая ставка за частный найм. Она развернула письмо. Почерк был торопливым, прыгающим: *«Госпожа Метр. Меня зовут Маркус ван Дирк. Я купец гильдии Пряностей. Мой караван, следовавший из порта Трех Скал с грузом первосортного шелка, корня женьшеня и редкого сорта чая "Слеза дракона", исчез три дня назад на Старой Императорской тропе между Вдовьим перевалом и Осколками. Стража магистрата разводит руками, ссылаясь на разбойников. Но мои люди — ветераны. Они бы продали свои жизни дорого. Мне нужно знать правду. Не официальную версию для страховой палаты, а то, что случилось на самом деле. Плачу вдвое, если найдете выживших. Плачу полную сумму сейчас, если просто скажете мне правду»*.

Лили посмотрела на карту Империи, занимавшую всю стену напротив. Старая Императорская тропа шла через Хвойный кряж — древние леса, где деревья росли так плотно, что солнечный свет никогда не достигал земли. Место дурное, пользующееся среди лесорубов недоброй славой. Если там пропадал опытный караван, это действительно пахло не обычными дорожными грабителями.

Она убрала золото в ящик стола, накинула плащ с глубоким капюшоном и спустилась во двор. У крыльца ее ждал человек, совершенно неуместный в этой промозглой серости. Маркус ван Дирк выглядел так, словно сошел с витрины до-

рогого портного: бархатный берет с пером цапли, идеально скроенный дублет цвета бургундского вина, сапоги из кожи морского змея блестели от жира. От него пахло гвоздикой, розовым маслом и плохо скрываемым страхом. Купец мерил шагами брусчатку, заламывая руки.

— Вы пришли! — воскликнул он, бросаясь к Лили. — Я уже думал посылать за городской стражей, но эти болваны только и умеют, что собирать пошлины да бить пьяниц. Мои товары... миллионы убытков! — Покажите маршрут, — оборвала его Лили. — И списки людей.

Они прошли в караульное помещение у ворот. Ван Дирк расстелил на столе пыльный пергамент. — Вот здесь, — его палец с массивным перстнем ткнул в извилистую линию тракта. — Последняя отметка телеграфной станции «Кривая сосна» была вчера на рассвете. Караван прошел проверку. Десять подвод. Двадцать охранников-головорезов из вольных рот, все проверены ведомством Малрика лично. Плюс мой приказчик Йенс и два погонщика. Тридцать четыре человека. После «Кривой сосны» они должны были войти в ущелье Медного Дракона. Там узко, удобно для засады, но оттуда невозможно свернуть незаметно. Однако до Осколков они не доехали. Растворились. Ни тел, ни крови, ни брошенных тюков. словно демоны Бездны забрали их целиком. — Страховка? — прямо спросила Лили, глядя купцу в глаза. Ван Дирк покраснел так стремительно, что перо на его берете затряслось. — Как вы смеее?! Моя репутация... — Ваша

репутация стоит ровно столько, сколько составляет разница между стоимостью груза и выплатой страхового дома «Золотой Гусь», господин ван Дирк, — холодно произнесла Лили. — Шелк горит. Специи тонут. А призрак каравана позволяет списать долги. Где ваш приказчик Йенс? Тот, кто должен был сопровождать груз? — Он остался в городе. Свалился с лихорадкой накануне выезда. Горячка, бред. Сейчас под присмотром лекаря в моем городском доме.

Лили взяла список охранников. Пробежала глазами имена. Обычные наемничьи прозвища: Ржавый, Щука, Одноглазый Бен. Люди, которые скорее перегрызут глотку заказчику, чем позволят забрать товар без боя. — Ждите меня здесь, — велела она. — Если попытаетесь уехать или отправить голубя своим компаньонам, я узнаю об этом раньше, чем вы закончите писать слово «прощайте».

Старая Императорская тропа встретила ее запахом мокрой хвои и гниющего мха. Дождь здесь падал не сверху, а сочился сквозь кроны, превращая дорогу в вязкое месиво грязи. Телеграфная станция «Кривая сосна» представляла собой покосившуюся избу, прилепившуюся к гигантскому стволу лиственницы. Старый смотритель, закутанный в медвежью шкуру, подтвердил слова купца: тяжелые фургоны прогрохотали мимо его окон около восьми утра. Охранники были трезвы, лошади сыты. Ничего необычного.

До ущелья Медного Дракона Лили добиралась верхом еще

час. Дорога пошла вверх, петляя между скал. Лес поредел, уступив место голому камню, покрытому ядовито-зеленым лишайником. Воздух стал густым, тяжелым, давящим на барабанные перепонки низким гулом, похожим на далекое пение пчелиного улья.

Ущелье представляло собой трещину в теле горы шириной не более десяти шагов. Идеальное место для бойни. Каменные стены уходили вертикально вверх на двадцать метров, исключая возможность побега.

Лили спешила. Привязала лошадь к кривой сосне — той самой, давшей имя станции. Животное нервно прядало ушами, храпело и отказывалось переступить невидимую границу ущелья. Шерсть на загривке кобылы стояла дыбом. Инстинкты животных редко лгали.

Лили вошла в ущелье пешком. Под ногами хрустел гравий. Она внимательно осматривала землю. Никаких следов борьбы. Никакой крови. Колеси от тяжелых колес обрывались ровно посередине ущелья, метрах в тридцати от входа. Дальше земля была девственно чиста, словно фургоны вознеслись на небеса.

Гул усилился. Теперь он вибрировал в костях черепа. Лили остановилась посреди дороги. Закрывает глаза. Магия этого места была странной. Это не был щит боевого мага или проклятие некроманта. Это была плотная, маслянистая пелена отрицания. Пространство буквально говорило любому наблюдателю: «Здесь ничего нет. Проходи мимо». Иллюзия

покоя, наложенная на зону абсолютного ужаса.

Лили подняла здоровую правую руку. Ей не нужен был марш гвардейцев, чтобы снять такую завесу. Для разрушения тонкой эфирной пленки требовалось лишь немного внутреннего хаоса. Она сосредоточилась на своем дыхании, намеренно сбивая его ритм, вызывая легкое головокружение, позволяя сосудам в голове расшириться до предела, готовясь к спазму. Энтропия всегда начиналась с микротрещин в собственном организме.

Она ударила звуком. Резкий, короткий выдох сквозь сжатые зубы породил инфразвуковую волну. Воздух над ущельем дрогнул, пошел рябью, как вода от брошенного камня. Плотная пелена беззвучно лопнула.

И запах смерти ударил в лицо, словно таран.

Тела никуда не исчезали. Они были здесь, вокруг нее, на расстоянии вытянутой руки. Иллюзия просто заставляла мозг игнорировать визуальные образы.

Охранники висели на отвесных стенах ущелья. Их прибили к камню длинными железными костылями. Прямо сквозь кольчуги, плоть и кости. Кто-то был пригвожден лицом наружу, кто-то — спиной. Их глаза были выклеваны птицами, которых тоже можно было увидеть теперь — десятки черных ворон сидели на карнизах, лениво поворачивая головы.

Повозки стояли внизу, в русле пересохшего ручья. Они не растворились. Их деревянные остовы были перекручены чудовищной силой, словно гигантский ребенок сломал иг-

рушки из щепок. Тюки с шелком распороты. Золотые нити паутиной покрывали камни, тускло поблескивая в пасмурном свете. Коробки со специями растоптаны в разноцветную слизь.

Но самым страшным было другое. Лили подошла ближе к одной из стен. Присела, всматриваясь в лицо ближайшего мертвеца. Это был Ржавый, ветеран трех войн. Его горло перерезано от уха до уха. Кровь давно застыла, став черной. Но рана была чистой. Профессиональной.

Лили обошла весь периметр. Двадцать охранников. Два погонщика. Приказчик Йенс. Все убиты одним ударом в сердце или точным перерезанием артерии. Никаких признаков того, что они успели обнажить оружие. Никаких защитных поз. Это была не засада разбойников. Это была казнь. Расправа, совершенная людьми, которым жертвы полностью доверяли.

Лили вернулась к началу ущелья, туда, где обрывались следы колес. Она опустилась на колени прямо в грязь, положив ладони на камень. Следы магии здесь были другими. Глубже. Древнее. Поверх солдатской расправы был наложен другой слой реальности. Кто-то провел ритуал искривления пространства. Фургоны не улетели в небо. Их втянуло в карман-изнанку. Временное измерение, созданное для сокрытия улики.

Зачем инсценировать исчезновение, если ты уже убил всех свидетелей? Зачем тратить колоссальную энергию на

пространственную складку, если тела висят на стенах? Страховка. Ван Дирк солгал. Ему не нужны были деньги страховщиков, иначе он оставил бы хоть одно тело на дороге, имитируя нападение лесных братьев. Ему нужно было скрыть сам факт доставки. Или содержимое.

Лили встала, отряхивая руки. Ее взгляд упал на центр ущелья. На земле, прямо под тем местом, где должна была стоять первая повозка, виднелся свежий выжженный след. Круг диаметром в локоть. Земля внутри круга спеклась в черное стекло. Такие температуры дает либо драконье пламя, либо жертвенная кровь высшего порядка.

Ритуал закрытия портала требовал платы. И платой послужил тот, кого нельзя было убить обычным ножом. — Йенс, — прошептала Лили. Приказчик не заболел. Он поехал с караваном. И именно его жизнь стала замком, запечатавшим этот провал в пространстве.

Внезапно одна из ворон наверху громко каркнула. Звук был слишком резким, металлическим. Птица сорвалась с места и спикировала вниз. Но она не села на труп. Она зависла в воздухе, трепеща крыльями, и начала меняться. Черные перья втянулись внутрь, клюв укоротился, превратившись в человеческий нос, когти стали пальцами. Через секунду на камень мягко прыгнул высокий мужчина.

Он был одет в такой же щегольской костюм, как и ван Дирк, но сухой и чистый, несмотря на ливень. Кожа незнакомца имела легкий оливковый оттенок, а зрачки представ-

ляли собой вертикальные щели, пульсирующие в такт дождевым каплям. — Быстро работаешь, Метр, — голос существа звучал одновременно в ушах и прямо в затылке. — Обычно столичные штучки пугаются иллюзии и уезжают обратно плакать магистрату в жилетку. Ты испортила мою маскировку. — Где купец? — спросила Лили, делая полшага назад. Она оценивала расстояние до своей лошади. — Маркус занят, — улыбнулся демон, обнажая слишком острые, игольчатые зубы. — Он считает цифры. Мы сэкономили ему состояние на налогах. Груз ведь сгорел, верно? Несчастный случай на производстве. — Груз цел, — Лили кивнула на разбитые коробки. — Шелкопряды не пострадали от вида крови. Вы инсценировали похищение, чтобы спрятать контрабанду? Что в тех тюках, что ради них пришлось открывать врата Бездны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.